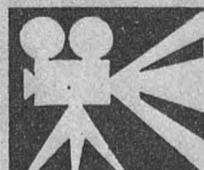

КИНО

Кумир для юных, при
Фильм представляет
«Мосфильма»

ГЕРОЙ НА ЭКРАНЕ: КАКИМ ЕМУ БЫТЬ?

Единомышленников споры не разъединяют

— Испытываете ли вы внутреннюю авторскую потребность дать жизнь герою крупному, характеру сильному, одаренному волевыми, решительными поступками?

— Конечно же, есть потребности! Что может быть заманчивее для автора, чем создать образ, который стал бы кумиром для юных, примером для взрослых, образ человека чести, красивого физически и нравственно! Я думаю, что наша дискуссия в конечном счете и имеет целью приблизить нас к решению этой задачи. Пока существует искусство, потребность в таких героях всегда жива и будет жить. Но порассуждаем об этом конкретнее. Проблема не так проста, как может показаться с первого взгляда. Действительно, нужен, и как еще нужен, современный активный герой. Но как вы себе его представляете, каков он?

«Крутой, крупный, неуступчивый» — читаю в статье уважаемого критика. Так представляет себе автор статьи современного героя. Верно ли это? Не вчерашний ли это день? «Крутой, крупный, неуступчивый» испытывает сегодня, как мне кажется, глубокий кризис. Уходит на пенсию, как наш Сергей Никитич Абрикосов из «Частной жизни». Мы дали возможность герою впервые настоящему оучиться дома и пожить «частной жизнью», которую он до сих пор за делами толком не знал. Познать мир жены, сына, дочери — и тем самым познать себя. И мы благодарны тем рецензентам, которые поняли, что дело не в полноценности вчерашней производственной жизни Абрикосова и неполноценности сегодняшней, семейной. Нет, и вчерашняя, оказывается, не была полноценной, ибо герой наш служил делу, а не людям — делу в отрыве от людей. Именно «крутой, крупный, неуступчивый», он поделил свою жизнь на главное и второстепенное, деловое и нравственное, а жизнь такого деления не терпит. Одно в ущерб другому существовать не может.

К сожалению, нам не удалось показать в полной мере человека, сменившего Абрикосова на его служебном месте, — его бывшего подчиненного, инженера Петелина. Да, он обыкновенен. Он из тех, про которых ни сказок не расскажем, ни песен не споют, — в отличие от абрикосовых, оставшихся в памяти легенды о своем своеволии, но и щедрости, великодушии, умения вершить судьбами. Петелин не внушит к себе почтения за сто метров, не будет люди, входя к нему в кабинет, испытывать священный трепет. Но работать он, несомненно, умеет и в чем-то, вероятно, лучше, чем его предшественник.

Конечно, о таких личностях, как Абрикосов, рассказывать интереснее — они бурны, драматургичны, что ли...

— Так, может быть, сюжет не менее впечатляющий обнаружится и в новых ситуациях, с новыми людьми?

— Да, киноискусство уже дает примеры — секретарь райкома Торела в фильме «Твой сын, Земля», председатель колхоза Курков — «Надежда и опора».

Но тут мне хочется сказать еще вот о чем. Почему-то в поисках героя киноискусство часто обращается к директорам и вообще к руководителям, то есть к лицам, которые являются вожаками масс, так сказать, по должности, по штатному расписанию. А рядовой инженер, обыкновенный рабочий? Им мы отвели на экране область личной морали, семейную, личную и психологическую тематику. Справедливо ли это?

Многих, знаю, поразила история, изложенная в очерке «После шторма», опубликованном в «Литературной газете». Это рассказ о молодом парне, комсомольском секретаре из Одесского мореходного училища, который сумел по-настоящему постоять за правду. Могущественным противникам, к сожалению, удалось вдоволь поиздеваться над ним, испортить ему жизнь. Но его не сломали, не заставили отступить...

— Не кажется ли вам, что в этой истории заложен по-

тенциально незаурядный, яркий сценарий и характер героя?

— Без сомнения. Но реализовать подобный замысел трудно — мешают определенные стереотипы мышления. Ведь сразу же возникает вопрос: почему не нашли силы, которые немедленно взяли бы этого героя под защиту? А что же прокурор — почему он не вмешался на второй день, а только через полтора года? И с каким, мол, чувством разойдутся зрители фильма после такого финала?

Так вот, я уверен, что правда восторжествует именно в сердцах зрителей. Они уйдут из зала растревоженными, с обострившимся нравственным чувством, с желанием всегда отстаивать справедливость. И еще — сострадать ближнему, стремиться постоять не только за себя, но и за товарища. Вот в чем были бы уроки подобного сюжета.

Анатолий ГРЕБНЕВ,

лауреат Ленинской премии, кинодраматург

Это во-первых. А во-вторых, возникает важный, на мой взгляд, вопрос о допустимости сюжета с открытым финалом. Должна ли фабула единичного произведения включать в себя все закономерности жизни — скажем, обязательно зафиксированную на экране победу добра? Возможен ли для светлой личности трагический исход? И может ли положительный герой оказаться побежденным?

Вопросы эти не отвлеченные — они рождены нашей сценарной практикой. Ориентация на среднестатистический выверенный сюжет, когда зрителю заранее известно, что все кончится хорошо, обкрадывает драматургию, лишая ее исключительных ситуаций, непредсказуемых, а потому и сильных, выразительных финалов. Мне кажется, понятие героя усложнилось. Наряду с героем в собственном смысле слова, который впрямую выражает позицию автора, выступает, так сказать, его воплощенный идеалом, мы сейчас нередко имеем дело с персонажами, которые авторы выносят на наш суд, призывая разобратся в них, а заодно и в себе. Зритель здесь как бы приглашается в соавторы...

В свое время я получал письма по поводу доктора Нечаева — героя фильма «Утренний обход» (напомню: роль эту исполнял артист А. Мягков). Что за рассеянный образ жизни, спрашивали авторы таких писем, ведь он же у вас хороший, даже талантливый врач? Почему же он не может ответить на любовь девушки, почему не уживчив на работе и равнодушен в личной жизни? Зрителям, воспринимавшим фильм с таких нормативных позиций, было трудно объяснить, что показан человек определенного типа, поколения, среды и что автор ставил своей задачей художественное исследование именно такого типа героя.

И я дальше пытаюсь разрабатывать характеры неоднозначные, рассчитанные на сотворчество зрителя, если хотите. В фильме «Время желаний», к постановке которого приступил режиссер Юлий Райзман, представлена героиня, занятая своим жизнестроительством с такой неукротимой энергией, что хватило бы на небольшую электростанцию. Мы не боимся, что зрители, быть может, по-разному отнесутся к нашей Светлане Васильевне — у кого-то она, видимо, вызовет сочувствие, кому-то вызовет неприязнь, кому-то сочувствие и неприязнь вместе: главное — чтобы то социальное явление, которое мы пытаемся показать, не оставило людей равнодушными, заставило взглянуть в глубь себя...

— Разглядеть героя в жизни, написать сценарий и принести на киностудию — это очень много, но еще далеко не все. Ведь путь к зрителю пролегал и через поиски единомышленников в кинематографическом процессе...

— Профессиональные вза-

имоотношения в кино — не частное, не келейное дело. Центральная проблема дискуссии «Герой на экране: каким ему быть?» вплотную примыкает к вопросу, обогатятся ли герои в сотворчестве или растрачиваются на кривых путях взаимного непонимания среди участников фильма.

И тут я не могу обойти молчанием высказывание режиссера Никиты Михалкова, прозвучавшее в его интересной статье «Уважать — значит верить»: «Сценарий не существует как самостоятельное произведение искусства, — пишет он, — сценарий — повод для фильма. Сценаристу, претендующему на самоценность своего детища, следует лишь посоветовать переделать сценарий, поскольку это возможно, в повесть, рассказ, роман и печатать его как самостоятельное литературное произведение. Подлинный же профессиональный сценарий должен быть жестко сориентирован на экран и даже на конкретного режиссера. Учитывать не только что, но и как и даже кто...».

Что ж, я могу представить себе ситуацию, при которой Н. Михалков стопроцентно прав: существует режиссер, обладающий столь самостоятельным видением мира, столь богатым духовным опытом, столь ценным запасом собственных мыслей и наблюдений, что писателю остается лишь поступить к нему в литературные ассистенты! И такие режиссеры, несомненно, есть. В данном случае это уже, впрочем, не просто режиссеры, но авторы своих фильмов, и термин «авторское кино» имеет в виду именно их творчество.

Но ведь это лишь одна ветвь кинематографа, представленная очень и очень немногими именами. Как правило же, мы имеем дело с режиссерами, в том числе и очень хорошими режиссерами, которые нуждаются в полноценной литературной основе.

Конечно, сам характер кинопроизводства режиссер поставлен, так сказать, в центр событий. Роль его главенствующая, кто же с этим спорит. Но для того, чтобы быть автором, надо иметь что выразить. Потому что автор не должность.

Пожалуй, верно будет сказать, что в коллективном творчестве, каким является кино, автор — тот, кто сильнее. В одном случае это сценарист, в другом, пожалуй, и режиссер, в третьем — оператор; во многих случаях — актер, иной раз — и композитор. Автор — тот, чей голос прозвучал громче в хоре. Это звание завоевывается только силой индивидуальности — и больше ничем.

Тяготение к «авторскому кино» играет, я уверен, роковую роль для нашей режиссуры. Там, где есть желание во что бы то ни стало «самовыражаться» да еще за счет литературного обслуживания при отсутствии предмета для самовыражения, страдает профессия, падает культура интерпретации, то есть основы режиссерского дела. Небрежно обращаясь с драматургическим материалом, подминая его, такой режиссер оставляет неизменным только себя, остается в кругу того, что он уже умеет, знает, любит, понимает. Иными словами, не растет, не меняет качества.

Интересно, что сам Н. Михалков в своей режиссерской практике являет пример бережного и истинно творческого общения с избранным литературным материалом. Посмотрите, какой он артистично разный в своих фильмах. Он-то как раз и занимается тем, что есть режиссура; «ориентирует» не драматургию на себя, а себя и свой богатый творческий аппарат настраивает применительно к литературному материалу. Истидна и его удача.

Остинных единомышленников споры не разъединяют, а соединяют. Так каким же ему быть — герою кинематографа 80-х? Наверное, каждый из нас ответит по-своему. Но, несомненно, важнейшим в нашей работе остается поиск героя, воплощающего лучшие черты советского характера, героя, который помогал бы людям жить и созидать.

Беседу вел
А. ЛОКТЕВ.